

документы самые многочисленные и касаются различных вопросов взаимоотношений Временного Областного правительства с другими существующими на тот момент правительствами: Временным Всероссийским, Сибирским, Самарским и др. Именно по телеграфу из Омска 4 ноября 1918 г. были переданы Грамота и Указ Временного Всероссийского правительства о прекращении деятельности всех областных правительств, в том числе и Уральского [см.: Антибольшевистское правительство, с. 27–29].

Итак, в годы Гражданской войны с целью выхода из политического и экономического кризиса создавались временные областные правительства, одним из которых было Областное правительство Урала. Несмотря на короткий период его функционирования (всего три месяца), отложился комплекс источников, позволяющих охарактеризовать одну из предложенных, в противовес большевистской модели, систем государственного устройства России. Все они требуют дальнейшего изучения не только с источниковедческой, но и с документоведческой точки зрения: оценки системы делопроизводства, документооборота, использования дореволюционного опыта оформления документов и др.

Антибольшевистское правительство: Из истории белого движения : сб. документов. Тверь : ТвГУ, 1999.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1951.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41 – Фонд Уральского (Свердловского) истпарга.

УДК 94(470.5).084.5

М. А. Фельдман

ЖУРНАЛ «УРАЛЬСКИЙ КОММУНИСТ» В 1926–1929 гг. : МЕСТО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

В статье рассмотрены основные сюжеты короткого периода существования главного партийного издания Уральской области – журнала «Уральский коммунист». Сделан вывод о том, что статьи, объективно характеризующие развитие социально-экономических отношений на Урале, начиная с 1929 г., уступают место политизированным публикациям. Сведя к минимуму самостоятельность регионов и региональных элит, Сталин и его окружение навязывали собственное видение и понимание «индустриального проекта» в СССР.

Ключевые слова: Урал, журнал, рабочие, промышленность, партия, диктатура.

Разгром «новой оппозиции» на XIV съезде партии в декабре 1925 г., затем – объединенной «левой оппозиции» на XV съезде в декабре 1927 г., без сомнения, сужал каналы для *общепартийных* дискуссий, однако, во-первых, хотя бы на короткий период (1926–1928) оставалась возможность открытого диалога по основным проблемам жизни в СССР на пленумах ЦК ВКП (б) [см.: Данилов...]. Во-вторых, сохранялась ниша для обсуждения вариантов реализации партийных и хозяйственных директив на низовом уровне. В условиях, когда областные и губернские комитеты РКП (б) стояли «во главе всей хозяйственной и политической жизни» [см.: Березкина, с. 304] и, опираясь на сформировавшийся номенклатурный слой, решали все вопросы местного значения, от действий провинциальных лидеров в определенной степени зависела конкретика нэпа.

Даже с учетом того, что уже в начале нэпа шел процесс формирования системы более высокой заработной платы, льгот и привилегий для управленцев верхнего и среднего звена [см.: Лютов, с. 321], в 1920-х гг. большевистский режим еще строился на специфическом сочетании авторитарных и демократических форм. Можно ли считать, что такое сочетание оставалось характерным и для неоднозначного периода 1928–1929 гг. – времени борьбы за сохранение нэпа и действий по его свертыванию? При внешней парадоксальности вопроса отметим и определенную инерционность подходов и методов управления со стороны провинциальных кадров, с трудом, но осваивавших практику регулирования многоукладной экономики.

Рассмотрим этот сюжет на примере анализа содержания статей в журнале «Уральский коммунист» – печатном органе Уральского обкома ВКП(б) в 1926–1929 гг. Выбранный период позволяет сравнить публикации «классических» нэповских лет (1926–1927) и переходных (1928–1929). Каким образом изменились оценки новой экономической политики; нового этапа индустриализации Урала; построения «социалистического общества»; отношения к специалистам; характер освещения взаимодействия органов власти и рабочих?

Интерес к этим вопросам определяется и тем, что с самого начала своей работы, с декабря 1923 г., партийно-хозяйственное руководство Уральской области демонстрировало собственное видение политической ситуации [см.: Фельдман]. Не случайно за три года (декабрь 1923 г. – январь

1927 г.) ЦК четыре раза менял управленцев на посту первого секретаря Уралобкома ВКП (б)¹.

В составе авторов статей в 75 номерах журнала «Уральский коммунист» за 1926–1929 гг. можно выделить четыре основные категории: работники Уралобкома ВКП(б), Уральского облисполкома, Уральского совета народного хозяйства, специалисты Уральского облплана. Журнал систематически перепечатывал статьи теоретического характера из центральных партийных журналов. В то же время статьи журналистов – членов редколлегии журнала – печатались нечасто. В силу этого важным индикатором политических настроений региональной элиты являлся характер комментариев к партийным постановлениям и государственным нормативным документам, отражавших собственное видение проблем области.

Заметим, что в силу концентрации внимания на односторонней подаче событий («борьба с антипартийной оппозицией» либо «бесперспективность борьбы с ортодоксами»), ни «традиционный» подход к освещению событий второй половины 20-х гг., характерный для советского доперестроечного периода [см.: Кравцов], ни тоталитарный [см.: Бакунин], не позволяют провести научный анализ деятельности журнала.

Объединение на основе постановления ВЦИК СССР от 3 ноября 1923 г. четырех губерний РСФСР (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской) в единую Уральскую область превращало ее в своеобразный полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае с площадью 1 659 тыс. км² и населением 6 380 тыс. чел. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 90, л. 127].

Созданный в 1922 г. как орган Уральского бюро ЦК РКП(б) журнал «Уральский коммунист», начиная с 1924 г., превратился в журнал обкома партии Уральской области. Он был адресован руководящему слою партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных работников, преподавателям вузов и партийных школ, пропагандистскому активу. Главное внимание в журнале уделялось разработке и реализации индустриального проекта. Тираж журнала колебался от 300 до 1 000 экз.

¹ Харитонов Моисей Маркович (декабрь 1923 – май 1925); Антипов Николай Кириллович (май 1925 – март 1926); Сулимов Даниил Егорович (март 1926 – март 1927); Шверник Николай Михайлович (март 1927 – январь 1929). См.: Уралобком ВКП(б) [Электронный ресурс]. URL: <http://энциклопедия-урала.рф/index.php> (дата обращения: 01.05.2019).

Показательно, что первый номер журнала, вышедший в 1926 г., открывался статьей ответственного редактора журнала Я. Я. Шипова «К очередным хозяйственным задачам», в которой оптимистическое начало статьи – о «перспективах социалистического строительства в СССР» – слабо сочеталось с основным ее содержанием. Автор отмечал низкую доходность предприятий государственной промышленности (существенно «ниже довоенной»); преобладание на госпредприятиях «явной бесхозяйственности, расточительности, разгильдяйства»; множество случаев бюрократической волокиты – всего того, «от чего теряются миллионы рублей» [см.: Шипов, 1926]. Обращало на себя внимание и иное: упомянув о том, что государственная промышленность является составной частью всего народного хозяйства, Я. Я. Шипов не только обошелся без употребления термина «нэп», но и ушел от упоминания негосударственных секторов экономики. Подобная двойственность (отражение реальности и в ряде случаев ее сознательное игнорирование либо замена мифологемами) была характерна не только для статей на экономические темы, но и в целом для многих публикаций «Уральского коммуниста».

Раздел «В помощь массовой работе» (пропагандистам и агитаторам) в том же первом номере за 1926 г. был представлен анализом социального состава населения Уральской области. В статье отмечалась немногочисленность промышленного пролетариата региона – 3,3 % среди всего населения и 10,8 % среди занятого населения. С сельским хозяйством индустриального края, каким считался Урал, была связана судьба подавляющего большинства населения. Кроме того, государственный сектор был невелик: в нем работали 21,5 % уральцев, тогда как 71,6 % уральцев вели частное хозяйство [см.: В помощь...]. Приведенные данные убедительно показывали: «социалистический» характер послеоктябрьских перемен (даже с учетом подмены понятия «социалистический» термином «государственный») весьма незначителен. Длительность переходной эпохи не афишировалась, но читатель подводился к такому выводу. При этом комментарий к статистическим материалам акцентировал внимание на позитивности последовательного сокращения доли занятых в негосударственных секторах экономики.

Статья Л. Е. Гольдича – председателя Уралоблплана – касалась проблемы повышения заработной платы рабочих промышленности. Низкий уровень оплаты труда представителей «господствующего класса» советского общества неоднократно рассматривался властными структурами в 1920-х гг. Публикация Л. Е. Гольдича подчеркивала, что рост заработной платы возможен только при повышении производи-

тельности труда; сокращении числа прогулов и других нарушений трудовой дисциплины; при снижении себестоимости выпускаемой продукции [см.: Гольдич, 1926]. Тем самым статья журнала ставила барьер необоснованным требованиям профсоюзов, отдельных работников о необходимости повышения заработной платы и выдвигала встречные требования к улучшению организации труда на предприятиях.

Примечательность статьи заключалась и в указании доли фонда заработной платы в общем размере прибыли предприятий Урала. Согласно приведенным сведениям 13,5 % прибыли предприятий отводилось на заработную плату, а еще 3,5 % шло на социальные задачи (фонды общественного потребления). К фондам общественного потребления относились расходы на медицинскую помощь, пособия, дома отдыха, ясли и детские сады и т. п. Публикация не приводила данных о числе рабочих, получивших доступ к таким видам социального обслуживания – характерная черта советской эпохи, но читатель сам мог делать выводы о степени доступности такой услуги.

И все-таки ключевым сюжетом статьи Л. Е. Гольдича представляется заявление автора о необходимости сокращения расходов на социальные нужды под предлогом выполнения «режима экономии» [см.: Гольдич, 1926, с. 9]. Как видно, пролетарское происхождение многих уральских управленцев не стало панацеей от готовности «избавить» рабочих промышленности края от весьма скромных «излишних» социальных расходов.

Во всех номерах журнала большое место отводилось материалам пленумов Уральского обкома ВКП(б). В 5–6 номерах за 1926 г. были напечатаны резолюции пленума обкома ВКП(б), которые демонстрировали как типичные реакции партийных комитетов в Советской России, так и отклонение от общепринятых правил. В частности, «полное осуждение» оппозиции под руководством Троцкого, целиком воспроизводящее документы XV партийной конференции, показывало готовность уральцев следовать «курсом ленинского ЦК». В то же время резолюция о «землеустройстве в горнозаводских районах Уральской области» говорила о необходимости закрепления за жителями этих местностей земельных участков, которые находились у них на правах пользования. Это означало, что сотни тысяч рабочих промышленности Урала должны были получить право на сохранение своих земельных наделов – факт, говорящий о степени понимания властными структурами края роли земельных наделов в бюджетах уральских рабочих, всего быта горнозаводского населения.

Следует учитывать два обстоятельства. За послеоктябрьское десятилетие, произошло *сокращение земельных наделов* рабочих края: если в предвоенные годы земельный надел на мужскую душу составлял 3,8 дес., то в 1926 г. такой участок приходился уже на одно хозяйство. Площадь земельных наделов рабочих Урала сократилась примерно в четыре раза. В то же время, если в 1897 г. не имели земельных наделов 28,7 % жителей горнозаводских поселков, то в 1926 г. – только 11,1 % [см.: Сигов, с. 184, 187]. В этом восторжествовали уравнильные принципы советской эпохи.

Резолюция пленума обкома ВКП(б), посвященная перспективам развития уральской промышленности, ставила перед областью скромные и довольно абстрактные задачи (приступить к строительству новых заводов). Однако в тексте документа отмечалось: пятилетний план, разрабатываемый региональными плановыми структурами, вскоре изменит ситуацию.

Наряду с реалистическими статьями и комментариями в каждом номере журнала за 1926 г. постоянно присутствовали публикации идеологического плана: о стачке горняков в Англии (полные надежд на пролетарскую революцию в «классической» стране капитализма); других «классовых боях» за рубежом; составе партийной организации Уральской области, с указанием на процент рабочей прослойки – в качестве *главной качественной* характеристики; работе системы партийного просвещения. Подобные материалы объединяли формальность, поверхностность освещения событий; абсолютизирование количественных показателей. Масса партийцев, обучающихся в сети партийного просвещения, рассматривалась только как объект для информационного освещения.

Год десятилетия Октябрьской революции (1927) подталкивал к осмыслению пройденного пути. В журнале появляется «раздел Истпарта», где была сделана попытка реконструкции событий революционного 1917 г., чаще всего в форме хроники событий в отдельных горнозаводских поселках. Акцент при этом делался на действиях Красной гвардии, прежде всего из Екатеринбурга. Роль армейских подразделений, вопреки статистическим данным, рассматривалась как вспомогательная.

Новым явлением в 1927 г. в журнале стали статьи ученых и специалистов, посвященные проблемам сельского хозяйства и кооперации, написанные с различных теоретико-методологических позиций. Анализ проблем уральской деревни зачастую опирался на либеральные, организационно-производственные и ортодоксальные марксистские взгляды.

Так, статья Ф. М. Казанского «О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале» убедительно доказывала процесс осереднячивания крестьян Уральской области в годы нэпа. Однако рыночные отношения принесли и иное – рост доли безземельных и безлошадных батраков. Переломить последнюю тенденцию, по мнению автора, могли целенаправленная помощь со стороны государства и льготные условия вступления в различные формы кооперации. Не были забыты и меры по ограничению имущественных прав зажиточных крестьян [см.: Казанский].

Статья А. П. Таяева «О социальной направленности сельскохозяйственных кредитов на Урале», посвященная вопросам сельскохозяйственного кредита, отмечала: кредитование коснулось всех слоев крестьянства. Однако если сельскохозяйственными кредитами пользовались 28 % середняков, 30 % зажиточных крестьян, то среди сельской бедноты таких насчитывалось всего 17,7 %. Выход из подобной ситуации виделся (в соответствии с марксистскими подходами) в ограничении выдачи кредитов кулакам, усилении налогового бремени на зажиточных крестьян [см.: Таяев, 1927]. Статьи Ф. М. Казанского, А. П. Таяева – специалистов-аграрников – связывали развитие сельского хозяйства с «нэповской» экономикой, даже с учетом того, что предлагаемые меры по усилению давления на зажиточных крестьян объективно затрудняли рост сельскохозяйственного производства.

Исключительно важный для жизни Урала вопрос – судьба земельных наделов уральских рабочих в горнозаводских поселениях – рассматривалась в статье М. А. Советникова «К землеустройству в горнозаводских районах». Публикация в партийном журнале на десятом году советской власти не могла быть напечатана вне марксистских догм, и автор вынужден был писать о «карликовом характере земледельческого хозяйства горнозаводского населения» [см.: Советников, 1927, с. 19]. Однако весь последующий текст говорил об ином. Фактическое землепользование горнозаводского населения за период с 1917 г. выросло с 460 тыс. десятин до 1 235 тыс., из которых 1 млн десятин приходилось на земельные наделы, а 235 тыс. – на лесные наделы. Действительно, подавляющая часть земельных наделов приходилась на сенокосные угодья (70 %) и выгон (19 %) и только 7 % – на пашню. Тем не менее, представленные данные о среднем размере хозяйства горнозаводского поселения – в своей массе рабочих поселков – убедительно говорили о непролетарском облике рабочих Урала. Рабочий со своим домом, лошастью, коровой, девятью десятинами земельного надела – явно не вписывался в классические представления о пролетариате [см.: Там же].

Необычным языком для партийного журнала была написана статья Д. Гуревича «За улучшение советского аппарата на Урале» [см.: Гуревич]. Вместо привычных обвинений в адрес советского аппарата по поводу бюрократизма и косности «старых специалистов» автор отмечал хроническое неприятие советскими чиновниками «новых изменений», научных методов управления. Болезнью советской системы государственного управления, указывал Д. Гуревич, стала ведомственность, а универсальным средством улучшения работы («рационализации») госаппарата должно было стать внедрение принципов управленческих знаний («управления как науки»). В духе времени звучали и призывы к пополнению аппарата работниками партийных и профсоюзных организаций.

Впервые с критических позиций оценивалась ситуация с уровнем профессиональной подготовки директорского корпуса промышленных предприятий Уральской области, состоящего в большинстве из «красных выдвиженцев». Автор статьи У. И. Манохин – заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом Уральского обкома – отметил, что из 123 директоров 100 коммунисты, но вместе с тем подчеркнул, что задачи индустриализации осложняет начальный уровень образования у 105 руководителей предприятий. Выход из сложившейся негативной ситуации автор видел в создании специальных курсов по обязательной переподготовке производственников [см.: Манохин].

Подобные статьи были немногочисленными в потоке публикаций откровенно пропагандистского толка, то бесосновательно сообщающих о преимуществах советской действительности над капиталистической, то трескучих заявлений о перманентном укреплении диктатуры пролетариата. Но они фиксировали одно из направлений редакционного курса: на осмысление нэповской реальности с рационалистических позиций. Этот вектор был близок к содержанию «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 г. и перспектив первого пятилетия», к статьям экономистов в журнале «Плановое хозяйство» в 1927 г., к позиции СНК СССР (и РСФСР) во главе с А. И. Рыковым.

Обратим внимание еще на одну публикацию «Уральского коммуниста» – Н. Бобровникова «Лицо уральской оппозиции» [см.: Бобровников], где оппозиционеры-троцкисты, работавшие на Урале, назывались «заблудшими людьми», но вовсе не «заклятыми врагами большевистской партии», как это звучало у Сталина и его креатуры.

Статьи в журнале за 1928 г. отразили всю гамму внутривнутрипартийной борьбы в ВКП(б). Вместе с тем очевидным было преобладание статей по *аграрной тематике* – главного вопроса апрельского и июльского

(1928) пленумов ЦК ВКП(б), в том числе темы строительства новых совхозов.

«Горячо поддерживав» идею создания новых «социалистических крупных зерновых фабрик», заместитель председателя Уралоблисполкома М. А. Советников в статье «Строительство новых совхозов на Урале» писал: только в РСФСР на организацию новых совхозов требуется 500 млн руб. и 10 тыс. тракторов, десятки тысяч единиц сельхозтехники и тысячи квалифицированных специалистов. Таких ресурсов в настоящий момент в стране не было. В силу этого одобрение автора вызвало то, что «план организации новых совхозов предусматривает определенную постепенность с нарастанием числа совхозов и затрат по строительству их из года в год» [Советников, 1928].

Перед совхозами ставилась задача: они должны были «превратиться в индустриальные центры переработки сельскохозяйственных продуктов окружающего крестьянского населения». Ссылка в статье М. А. Советникова на решения июльского Пленума ЦК ВКП(б) (1928) превращала приведенную выше формулировку в партийный лозунг, камуфлируя ожесточенную борьбу на июльском Пленуме сторонников и противников нэпа и не афишируя тот факт, что совхозы понимались как предприятия пищевой промышленности, *дополняющие* крестьянские хозяйства, объединенные простейшими видами кооперации. Ситуация в Уральской области с созданием совхозов была еще более напряженная, чем по РСФСР в целом: в регионе имелось минимальное количество тракторов, из которых часть была неисправной, а часть оказалась пригодной только для второстепенных работ.

Вернувшись к этой теме в ноябрьском выпуске журнала, П. Потеряхин писал о недостаточности мероприятий по механизации, электрификации при создании новых совхозов; острой нехватке специалистов; срыве планового финансирования [см.: Потеряхин]. Таким образом, журнал дал правдивую картину уровня технического и кадрового оснащения уральской деревни; выразил свое сдержанное отношение к призывам ускоренного обобществления крестьянских хозяйств.

Стремление не «выпадать из строя» партийной периодики привело к появлению в «Уральском коммунисте» статей, где акцентировалось внимание на благотворности резкого повышения (на 1/3!) налогов на зажиточных крестьян. В таких статьях и передовицах, с одной стороны, приводились данные об успешном развитии уральской деревни в годы нэпа (например, о росте условно-чистого дохода сельского хозяйства за 1923–1927 гг. на 57 %; поставок зерна на рынок с 97 до 116 млн пудов).

С другой стороны, звучали призывы к новому повышению налогового бремени на кулаков без учета возможных рисков. При этом даже в статьях о партийной работе в деревне приводились убедительные статистические данные о нежелании подавляющего большинства крестьян вступать в колхозы. Как о значительном успехе сообщалось о росте доли крестьян, охваченных производственной кооперацией в Тюменском округе за 1927–1928 гг. с 5, 8 до 6,7 %.

В 1928 г. статьи в «Уральском коммунисте» о работе частного сектора перестали однозначно враждебно оценивать деятельность предпринимателей Уральской области. Фактически, «товарооборот в мелкой розничной торговле вытягивал частник», – отмечал М. М. Мудрик. На долю частного предпринимательства в Уральской области в 1926 г. приходилось 82 % всех торговых точек, но не более 13 % всего торгового оборота. Удобство торговли с лотков, маленьких будок в горнозаводских поселках оценили рабочие, совершавшие более 1/4 покупок у мелких торговцев. Не требуя никаких дотаций у государства, мелкие частные торговые предприятия внесли в государственный бюджет в 1926/27 г. около 5 млн руб. Вместе с тем автор отметил в качестве позитивного факта наступление на позиции частного предпринимательства, в частности, увеличение налога на прибыль с 15 до 28 % [см.: Мудрик].

В статье М. С. Иванова «Состав Уральской организации ВКП(б): к 1 января 1928 г.» [см.: Иванов] впервые приводились данные социологического опроса рабочих пяти крупных предприятий региона о причинах вступления в партию и вариантов отказа от предложений о вступлении. Статистические данные могли обескуражить многих читателей: только 7 % рабочих Уральской области выразили желание вступить в «рабочую партию»! Еще 20 % с той же определенностью высказались против вступления в ВКП(б). Остальные 73 % представителей «правлящего класса» заявили о различных причинах, не позволяющих им стать коммунистами (неграмотность и малограмотность, политическая неподготовленность, семейные обстоятельства, болезни). Думается, данные социологического опроса – один из примечательных документов эпохи и, без сомнения, рабочей истории.

В статье П. Парамонова как о большом достижении говорилось об уменьшении различий в оплате труда высоко- и низкоквалифицированных рабочих Уральской области [см.: Парамонов]. Казалось бы, история горнозаводских рабочих зафиксировала значение мастерства уральских умельцев и роль мотивации в их жизни, но интересы пролетариата понимались сквозь призму уравнилельных взглядов.

Явными критическими нотками в адрес левацких, нереальных планов по ликвидации неграмотности была отмечена статья В. Криулина «Наши задачи в области ликвидации неграмотности». Автор указывал: завышенные, произвольные планы обучения грамоте взрослых, а также нехватка квалифицированных преподавателей оборачиваются тем, что 30–40 % обученных через десять месяцев забывают грамоту. Выдвинутая задача – ликвидировать неграмотность к десятилетию Октябрьской революции – оценивалась как абсолютно нереальная. Но за рациональной оценкой следовал вывод в типично марксистском духе: не нужно тратить силы и средства на обучение представителей зажиточных крестьян и предпринимателей [см.: Криулин].

Статья, подписанная псевдонимом «Экономист», содержала реальные результаты перехода промышленных предприятий на семичасовой рабочий день, начиная с ноября 1927 г. Обращалось внимание на то, что переход на семичасовой рабочий день происходит очень медленно: во всей промышленности СССР в 1927/28 г. было переведено только 118 622 рабочих промышленности, в основном на текстильных предприятиях. В Уральской области это решение реализовали Миасский механический завод и ряд мелких предприятий [см.: Экономист].

Переход промышленных предприятий на семичасовой рабочий день вскрыл значительные трудности: предприятия не успели подготовить достаточного количества доброкачественного сырья. Низкое качество сырья затормозило уплотнение рабочего дня и отрицательно отразилось на производительности труда и качестве продукции, вело к простоям. Также отрицательно сказались на этом процессе и несвоевременное внедрение сельных расценок применительно к новым условиям труда и недочеты в самом их установлении. Уплотнение рабочего дня и рационализация рабочего времени оказались непроработанными и привели к снижению объема выработки за смену и перерасходу фонда заработной платы.

В течении семи месяцев 1928 г. между пленумами ЦК ВКП(б) состоялось три сражения. Первые два (в апреле и июле) выиграли сторонники нэпа, в ноябре был зарегистрирован формально ничейный результат. Этот период не мог не отразиться на содержании публикаций в журнале. Уже в октябрьском номере (1928) журнала передовая статья «За ленинские основы» говорила о «правой опасности». Имена «правых» еще не назывались, но люди, призывавшие к гармоничному развитию тяжелой и легкой промышленности, обвинялись в «правых» взглядах и подлежали осуждению. Фамилии этих партийных и государственных работников были знакомы номенклатурным работникам.

В 1929 г. продолжалась традиция публикации материалов, с рациональных позиций оценивавших положение в экономике, обществе и партии. Так, в статье Я. Я. Шипова приводились данные медицинского обследования областной партийной элиты. Постоянные физические и психологические перегрузки привели к тому, что из 284 ответственных партийных работников Уральской области 240 страдали болезнями нервной системы; 220 – болезнями сердца; 185 – болезнями крови [см.: Шипов, 1929]. В качестве причины физического и психического, нервно-психологического нездоровья представителей региональной элиты автор называл «множество дополнительных общественных нагрузок». Однако к этому, наряду с потрясениями подпольной работы, революций и Гражданской войны, следовало бы добавить и полученные уже в советское время неврозы из-за непрекращающейся внутрипартийной борьбы и вынужденной (в силу недостаточного профессионализма) работы методом «проб и ошибок».

О т্রেвожном социальном явлении – широком распространении алкоголизма среди промышленных рабочих Уральской области и, как следствии, массовых прогулах и нарушениях общественной дисциплины – шла речь в статье Л. Е. Гольдич «Алкоголизм среди рабочих Урала» [см.: Гольдич, 1929].

С учетом растущей критики «правых» смелой выглядела статья П. Уральского «Против извращений в хлебозаготовках», призывавшая к недопустимости карательных мер против крестьян, не желавших вступать в колхозы. Автор приволил многочисленные конкретные случаи травли не только взрослых сельчан, но и их детей за отказ вступать в коллективные хозяйства Урала [см.: Уральский].

На протяжении 1929 г. практически в каждом номере журнала стали появляться статьи, осуждающие правых: сначала без фамилий; затем – рядовых партийцев; наконец – работников среднего звена. Передовая статья октябрьского номера за 1929 г. впервые открыто осуждала члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарина, «отошедшего от марксизма-ленинизма и перешедшего на позиции правого оппортунизма». Обращал на себя внимание и формат передовицы: вместо обычных двух-трех страниц, она заняла семь страниц.

Если первый номер журнала за 1929 г., напечатав панегирик в адрес брошюры Сталина «Об индустриализации и правом уклоне», рядом разместил весьма сдержанные рецензии оппонентов (А. И. Рыкова и Г. Крумина), то последний (декабрьский) номер был практически целиком посвящен поименному обличению «правых оппортунистов» в партийном и государственном аппарате.

Казалось бы, с инакомыслием в журнале было покончено. Однако две статьи А. П. Таяева в журнале «Уральский коммунист» в 1930 г., насыщенные резкой аргументированной критикой необоснованных планов форсированного рывка промышленного развития в Уральской области, названных автором «плодом свободного творчества» [см.: Таяев, 1930а; 1930б], говорили о несогласии ряда авторов «Уральского коммуниста» с генеральной линией. Сам факт возможности выхода подобных публикаций в 1930 г. в партийном журнале говорил о поддержке материалов А. П. Таяева со стороны областных руководителей. Весь путь партийной и хозяйственной элиты Уральской области в 1920-е гг. подтверждает эту гипотезу.

Резюмируя, можно заметить, что журнал «Уральский коммунист» стремился следовать «генеральному курсу» правящей партии. Однако сам курс в силу острых внутрипартийных дискуссий не был единым. Отражение различных точек зрения в руководстве СССР особенно заметно в статьях «Уральского коммуниста» за 1928 г.

Необходимость отражения наиболее острых проблем региона обусловила тот факт, что на протяжении всего исследуемого периода в журнале появлялись статьи, с рациональных позиций освещающие жизнь населения Уральской области. В этом заключались некоторая самостоятельность и автономность журнала в 1926–1928 гг. и в меньшей степени – в 1929 г.

Вместе с тем очевидно стремление редакции журнала обойти те сюжеты, которые требовали глубоких теоретических знаний и немалой смелости в самостоятельном осмыслении действительности. К ним следует отнести прежде всего вопросы регулирования многоукладной экономики; необходимость и риски от взвинчивания налогового пресса на частный сектор; комплексной оценки положения промышленных рабочих; аналитики такого важного документа, как «Генеральный план развития Уральской области на 1926–1941 гг.», – единственного в СССР опубликованного стратегического плана, основанного на сохранении принципов многоукладной экономики.

Но самое поразительное заключалось в том, что из-за внутрипартийных баталий (и связанных с ними «организационных» и «теоретических» выводов), журнал «Уральский коммунист» не приступил к обсуждению вариантов Первого пятилетнего плана в Уральском регионе. Журнальное «безмолвие» способствовало принятию нереальных планов, и предостерегающие статьи А. П. Таяева в 1930 г. стали запоздавшим сигналом бедствия вслед уже ушедшему поезду.

Журнал «Уральский коммунист» смог отразить настроения и убеждения руководящего состава работников Уральской области, включая стремление снизить накал внутрипартийной борьбы; обойтись без ускоренной и неподготовленной коллективизации; продлить существование нэповской экономики. Однако двойственность, присущая как большевизму в целом, так и отдельным его представителям, наглядно проявилась в уклонении от осмысления роли многоукладной экономики и ее возможностей; в покорности начавшемуся и нарастающему валу критики близких по политическим взглядам «правых» в руководстве ВКП(б).

Сведя к минимуму самостоятельность регионов и региональных элит, Сталин и его окружение навязывали собственное видение и понимание «индустриального проекта» в СССР. Но лавинообразное нарастание проблем и противоречий на рубеже 1920–1930-х гг. получило отражение в «предостерегающих статьях» журналистов, которые помогали части хозяйственников, партийных и советских руководителей разобраться с причинами экономических кризисов в годы первой пятилетки. Сопротивление сталинизму продолжалось, уходя в «глубины» экономической мысли и практики.

Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Генезис. Екатеринбург : Изд-во Ин-та истории и археологии УрО РАН, 1997.

Березкина О. С. Политическая элита и политический режим в 1920-е годы // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты (опыт системного анализа). М. : РОССПЭН, 2006. С. 302–320.

Бобровников Н. Лицо уральской оппозиции // Урал. коммунист. 1927. № 11. С. 10–18.

В помощь массовой работе // Урал. коммунист. 1926. № 1. Прил. С. 1–6.

Гольдич Л. Е. Производительность труда и заработная плата уральских рабочих // Урал. коммунист. 1926. № 1. С. 3–9.

Гольдич Л. Е. Алкоголизм среди рабочих Урала // Урал. коммунист. 1929. № 4. С. 31–34.

Гуревич Д. За улучшение советского аппарата на Урале // Урал. коммунист. 1927. № 10. С. 3–9.

Данилов В. П. Введение. Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг: исторический источник в контексте эпохи // Как ломали Нэп : стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. : в 5 т. Т. 1 : Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М. : РОССПЭН, 2000. С. 15–33.

Иванов М. С. Состав Уральской организации ВКП(б) к 1 января 1928 г. // Урал. коммунист. 1928. № 3. С. 42–45.

Казанский Ф. М. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале // Урал. коммунист. 1927. № 26–27. С. 62–75.

Криулин В. Наши задачи в области ликвидации неграмотности // Урал. коммунист. 1928. № 8. С. 12–15.

Кравцов В. С. Роль партийно-советской печати в духовном развитии трудящихся Урала в годы первой пятилетки : автореф. ... канд. ист. наук. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1975.

Лотов Л. Н. Региональная руководящая элита в начале нэпа (1921–1923 гг.): социокультурный аспект // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2006. С. 321–338.

Манохин У. И. Состояние кадров уральской промышленности // Урал. коммунист. 1927. № 11. С. 10–12.

Мудрик М. О частном капитале в торговле на Урале // Урал. коммунист. 1928. № 6. С. 7–18.

Парамонов П. Заработная плата на Урале // Урал. коммунист. 1928. № 11. С. 15–19.

Потеряхин П. Состояние и основные задачи совхозного строительства // Урал. коммунист. 1928. № 14. С. 18–20.

Сигов В. П. Некоторые данные для характеристики земледельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск : Уралпрофсовет, 1927. С. 127–191.

Советников М. А. К землеустройству горнозаводского населения // Урал. коммунист. 1927. № 18. С. 18–22.

Советников М. А. Строительство новых совхозов на Урале // Урал. коммунист. 1928. № 9. С. 16–21.

Таняев А. П. О социальной направленности сельскохозяйственных кредитов на Урале // Урал. коммунист. 1927. № 15. С. 10–16.

Таняев А. П. Проблема промышленных кадров для Большого Урала // Урал. коммунист. 1930а. № 3–4. С. 20–33.

Таняев А. П. О современном лице промышленных кадров Урала // Урал. коммунист. 1930б. № 11–12. С. 24–31.

Уральский П. Против извращений в хлебозаготовках // Урал. коммунист. 1929. № 6. С. 6–10.

Фельдман М. А. Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. // Вопр. истории. 2016. № 12. С. 29–39.

Шипов Я. Я. К очередным хозяйственным задачам // Урал. коммунист. 1926. № 1. С. 5–12.

Шипов Я. Я. Состояние здоровья партийных кадров Уральской области // Урал. коммунист. 1929. № 5. С. 18–21.

Экономист. К переходу на семичасовой рабочий день // Урал. коммунист. 1928. № 13. С. 6–10.

ЦДООСО (Центральный архив документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4 – фонд обкома ВКП(б).